

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ И КОНЧИНА

АВРАМІЯ СЕРГѢВВИЧА НОРОВА.

Вотъ уже исполнился годъ со времени кончины члена государственнаго совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Аврамія Сергѣевича Норова. Благовременно вспомнить теперь объ этой кончинѣ, стать, такъ сказать, у постеля болящаго, и при свѣтѣ Слова Божія прослѣдить за приготовленіемъ къ вѣчности истиннаго сына православной Церкви, вѣрнаго слуги царя и отечества. Я исполнилъ это, на сколько могъ, въ полной надеждѣ, что лица, коротко знавшіе покойнаго Аврамія Сергѣевича, сами восполнятъ то, что или ускользнуло отъ мо-

его наблюденія , или же вовсе не могло быть
мнѣ извѣстнымъ.

Аврамій Сергѣевичъ скончался 23 Января
1869 года, въ 4 часа 25 минутъ по полудни, на
73 году своей жизни, и погребенъ въ Сергѣев-
ской пустыни , въ храмѣ Воскресенія Христо-
ва (въ сооруженіи котораго онъ принималъ са-
мое живое участіе), на право, у самыхъ царскихъ
вратъ, рядомъ съ женою своею Варварою Его-
ровною, урожденною Паниной.

Уже давно, со смерти жены своей, Аврамій
Сергѣевичъ преимущественно занятъ былъ при-
готовленіемъ себя къ вѣчности. Сергѣевская
пустынь была главнымъ мѣстомъ его молит-
венныхъ подвиговъ. Туда онъ постоянно при-
ѣзжалъ одинъ разъ , а иногда и дважды въ не-
дѣлю, и послѣ особой литургіи по усопшей же-
нѣ своей , возвращался домой; только болѣзни
и особенно важныя дѣла по службѣ могли за-
ставить Аврамія Сергѣевича измѣнить своему
правилу. Въ дни скорби своей онъ обыкновен-
но удалялся въ пустынь и тамъ жилъ иногда по

цѣлой недѣлѣ, подвизаясь въ постѣ и молитвѣ.

Въ 1868 году здоровье Аврамія Сергѣевича начало все болѣе и болѣе ослабѣвать ; наконецъ онъ слегъ въ постель. Болѣзнь приняла серьезный оборотъ,—надежды на выздоровленіе было мало. Это хорошо сознавалъ больной, и потому самъ пожелалъ быть напутствованнымъ св. таинствами церкви въ жизнь вѣчную.

Въ субботу, 18 Января, въ часъ дня, Аврамій Сергѣевичъ былъ особорованъ. Таинство совершали : мѣстный приходскій священникъ Владимірской церкви о. Михайлъ Петропавловскій, духовникъ Сергіевской пустыни іеромонахъ Маркъ и я, исповѣдывавшій Аврамія Сергѣевича только разъ въ году—въ великомъ посту, да еще во время болѣзни его. Болящій сядѣлъ тогда на диванѣ и не вставалъ ; въ лѣвой рукѣ держалъ свѣчу, а правою раскрывалъ грудь свою для помазанія св. елеемъ. Послѣ отпуска, Аврамій Сергѣевичъ, обратясь къ присутствующимъ, смиренно, со слезами, произнесъ : «отцы, братія и сестры ! простите, про-

стите меня грѣшнаго... Помолитесь Господу, *да очинитъ мя , идѣже Святъ животный...*» и поклонился всѣмъ низко.

На другой день , въ воскресенье , въ часъ дня , Аврамій Сергѣевичъ былъ исповѣданъ и приобщенъ обѣденными святыми дарами. Исповѣдь происходила по 10—ти заповѣдямъ и восполняема была нагорнею бесѣдою Спасителя. Послѣ исповѣди больной сказалъ мнѣ : «всѣ ли, батюшка , я исполнилъ по правиламъ св. православной Церкви?..» Молитву предъ причащеніемъ : Вѣрую Господи и исповѣдую... Аврамій Сергѣевичъ читалъ съ глубокимъ , сердечнымъ умиленіемъ ; слезы струились изъ глазъ его. Послѣ причащенія св. Христовыхъ Тайнъ прочитана была благодарственная молитва. Отпускъ сдѣланъ былъ со св. крестомъ. По окропленіи св. водою, Аврамій Сергѣевичъ сказалъ мнѣ : «хорошо , батюшка , что вы не забыли этого св. обряда». Во время исповѣди и причастія больной стоялъ на колѣнахъ , опершись на табуретъ , покрытый кожею.

20 Января Аврамій Сергѣевичъ призвалъ меня къ себѣ и сказалъ : «батюшка, если Господу угодно будетъ взять меня изъ этой жизни, исполните слѣдующее : надѣньте епитрахиль, возьмите изъ этого ковчежца бѣлый камень отъ горы Голгофы и положите мнѣ во гробъ, подъ голову, подъ подушку, какъ сдѣлали вы, когда скончалась жена моя; потомъ вложите мнѣ въ руки кипарисный, съ перламутровымъ распятіемъ, крестъ съ гроба Господня. Думаю, что послѣднее не будетъ вопреки правиламъ церковнымъ; евангелія у меня небудетъ въ рукахъ, значитъ, есть различіе между мною и священникомъ. Еще, сказалъ онъ, указывая на кіотъ, вотъ то евангеліе, которое лежитъ предъ иконами, перевязанное ленточкою, положите мнѣ также во гробъ подъ голову; въ немъ хранятся письма Высочайшихъ Особъ, родительское благословеніе (письма) и волосы жены моей. Письма Высочайшихъ Особъ выньте изъ евангелія и положите на столъ.» Я далъ вѣрное слово исполнять все это въ точности.

21 Января Аврамій Сергѣевичъ опять прислалъ за мною. Я явился немедленно. Принявъ благословеніе, онъ сказалъ : «батюшка, не на то евангеліе я указалъ вамъ вчера; вотъ, которое должно взять (я указалъ на это евангеліе); оно въ шелковомъ переплетѣ, съ греческимъ и славянскимъ текстомъ, и лежало на гробѣ Спасителя нашего, — подайте мнѣ его!» Сказавши это, онъ приподнялся и сѣлъ на диванъ. Я развязалъ ленточку и подалъ ему евангеліе. Аврамій Сергѣевичъ самъ отобралъ письма Высочайшихъ Особъ и положилъ на столѣ; потомъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ : «перевяжите евангеліе ленточкою и положите на прежнее мѣсто». Видно было, что Аврамій Сергѣевичъ очень взволнованъ былъ воспоминаніемъ прошедшаго, а можетъ быть еще и мыслию о близкой кончинѣ своей. Я счелъ нужнымъ удалиться, — Аврамій Сергѣевичъ не удерживалъ меня. Принявъ благословеніе, онъ сказалъ : «теперь навѣщайте меня, батюшка, какъ можно чаще, не менѣе двухъ разъ въ

день, вѣдь это не обременить васъ!» Во время этого разговора стороннихъ лицъ не было; мы были вдвоемъ.

22 Января. Докторъ Завадскій, пользовавшій Аврамія Сергѣевича уже нѣсколько лѣтъ, сказалъ намъ положительно, что едвали больной доживетъ до слѣдующаго воскресенья. Пригласили на консилиумъ лучшихъ докторовъ, сначала алопатовъ, а потомъ гомеопатовъ. И тѣ и другіе, при тщательномъ осмотрѣ, признали положеніе Аврамія Сергѣевича безнадежнымъ. Больной видимо былъ недоволенъ посѣщеніемъ докторовъ, убѣдительно просилъ не предлагать ему лекарствъ, не беспокоить его, и предоставить все натурѣ. Онъ увѣрялъ, что не чувствуетъ никакой боли... признакъ, по мнѣнію докторовъ опасный. Я рѣшился не отходить отъ Аврамія Сергѣевича; на мнѣ лежала священная обязанность напутствовать сына своего духовнаго отходною молитвою въ жизнь вѣчную.

Съ 22 на 23-е Января я находился при

Аврамій Сергѣевичъ всю ночь, не смыкая глазъ. Ему давали гомеопатическія лекарства, большею частию обманомъ. Внутренній жаръ былъ въ немъ сильный. Часто и настойчиво больной требовалъ подслащеннаго капустнаго соку, составленнаго домашнимъ врачомъ его; бреда не было; но слова его не совсѣмъ были вытѣшны, особенно, когда онъ говорилъ тихо, и это происходило, кажется, не столько отъ слабости силъ, сколько отъ усилившейся сыпи во рту и на губахъ.

Утро, 23 Января. Память Аврамія Сергѣевича начала замѣтно ослабѣвать; силы истощались. Уже время было оказать ему духовное содѣйствіе... Я началъ читать ему утреннія молитвы. Больной часто произносилъ за мною нѣкоторыя слова молитвы, правильно ограждая себя крестнымъ знаменіемъ; глаза его были постоянно влажны отъ слезъ. По окончаніи молитвы, Аврамій Сергѣевичъ очень благодарилъ меня. Въ 12 часовъ дня я началъ читать ему канонъ въ скорби душевной (Θεοστι-

рикта). Во время чтенія 4-ой пѣсни въ смежную комнату вошелъ адъютантъ Государя Императора, посланный узнать о здоровьи болящаго. Дома были въ это время одни только слуги. Высокія вѣрноподданическія чувства Аврамія Сергѣевича мнѣ были хорошо извѣстны; извѣстно было даже и самое выраженіе оныхъ; я сказалъ г. адъютанту: «Аврамій Сергѣевичъ глубоко тронутъ отеческимъ вниманіемъ Государя Императора, вѣрноподданически падаетъ къ стопамъ Его, благодарить сердечно, и молить Господа о здравіи и благоденствіи обожаемаго Монарха и всего царствующаго дома». О положеніи больного, при всѣхъ данныхъ, я не могъ дать опредѣленнаго отвѣта, будущее единому Господу извѣстно; я сказалъ только, что надежды на выздоровленіе Аврамія Сергѣевича мало. — Г. адъютантъ ушелъ, и я началъ продолжать чтеніе канона. Больной молился также какъ и прежде, только слезы его были обильнѣе; молитвенные вздохи чаще и сильнѣе. По окончаніи

молитвы, я оѣнилъ болящаго крестомъ съ гроба Господня и далъ ему поцѣловать оный. Аврамій Сергѣевичъ смиренно благодарилъ меня за духовное утѣшеніе, и взявъ мою руку, поцѣловалъ ее. Потомъ, подумавъ немного, сказалъ: «наклонитесь ко мнѣ!» Я наклонился. Онъ обнялъ меня, прижалъ къ груди своей, поцѣловалъ мою голову, и перекрестивъ ее, сказалъ: «Христосъ съ вами!» За симъ поцѣловалъ мой бронзовый за войну крестъ: Это было послѣднее прощаніе того, кто 15 лѣтъ тому назадъ благословилъ меня съ Татьяною Борисовною Потемкиной на брачный союзъ, и кто, по не-исповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, почти въ одинъ со мною годъ лишился жены своей... Я не могъ удержаться отъ слезъ, — не могъ и говорить...

Въ 3-мъ часу по полудни я началъ читать Аврамію Сергѣевичу *канонъ Сладчайшему Іисусу, съ акаѣстами*. Больной усиливался ограждать себя крестнымъ знаменіемъ, часто приподнималъ руку свою, и всегда опускалъ, си-

лы его исчезали, токъ слезъ прекращался; вздохи самые глубокіе вырывались изъ груди его, и при всемъ томъ еще слышны были изрѣдка едва внятные слова молитвы. Больной уже чувствовалъ приближеніе великихъ предсмертныхъ минутъ своихъ.

Между тѣмъ никто изъ домашнихъ не думалъ о близкой кончинѣ Аврамія Сергѣевича; всѣ были увѣрены, что больной доживетъ до субботы, такъ, новидимому, было спокойно положеніе Аврамія Сергѣевича! То онъ казался погруженнымъ въ серьезную глубокую думу, то какъ бы дремалъ и начиналъ засыпать... При томъ, по мнѣнію врача Завадскаго, кончинѣ Аврамія Сергѣевича должны были предшествовать предсмертные конвульсіи, а ихъ не было видно. Былъ уже 5-ый часъ вначалѣ. Меня пригласили къ столу. Отказываться, казалось, не было причинъ, при больномъ оставались надежные слуги, они могли зорко слѣдить за ходомъ болѣзни, и въ случаѣ переменъ, увѣдомить меня немедленно, о чемъ я и про-

силъ ихъ убѣдительно. Просьба моя не была напрасна. Лишь толькоя сѣлъ за столъ, какъ является слуга и дѣлаетъ знакъ, чтобы я шелъ къ больному. Я не медлилъ. Глаза Аврамія Сергѣевича были уже полузакрѣты; дыханіе становилось всё тише и рѣжѣ, правая рука, съ правильно сложенными для крестнаго знаменія перстами, была опущена на грудь и лежала неподвижною; только изрѣдка замѣтно было въ ней легкое сотрясеніе. Несомнѣнно было, что больной расстаётся съ жизнію, уже догорали послѣднія капли жизненнаго елея, лампада угасала... Я надѣлъ епитрахиль и началъ читать умиленный канонъ Господу нашему Іисусу Христу и пречистой Его Матери при разлученіи души отъ тѣла, или по просту: отходную. Чтеніе я прерывалъ пѣніемъ пѣсней канона. Къ концу отходной Аврамій Сергѣевичъ заснулъ... но вѣчнымъ сномъ... Такъ, Господь сподобилъ возлюбленнаго раба своего Аврамія кончины христіанской, непостыдной, мирной; да сподобить его, Онъ милосердый, и добраго

отвѣта на страшномъ судѣ своемъ... *да внимать его, идоже Сельтъ животный*. Вечеромъ отслужена была мною первая панихида по усопшемъ.

24-го Января. Предъ панихидою назначено было положить во гробъ тѣло Аврамія Сергѣевича. Гробъ былъ бѣлый, газетовый, съ золотыми кистями. Я облачился, окадилъ усопшаго, гробъ его, и окропилъ св. водою ; потомъ , когда положили тѣло во гробъ, благоговѣнно взялъ изъ позолоченнаго ковчежца камень съ горы Голгофы и положилъ подъ голову усопшаго, подъ подушку, а на камень евангеліе въ шелковомъ переплетѣ. Оставалось еще вложить въ руки Аврамія Сергѣевича крестъ съ гроба Господня. Я былъ въ затрудненіи : сгибать и разгибать охладѣвшія руки усопшихъ — не легко. Но какова же была моя радость, когда я увидѣлъ, что персты, правильно сложенные Авраміемъ Сергѣевичемъ для крестнаго знаменія при жизни, оставались въ такомъ же положеніи и по смерти его. Я вложилъ крестъ въ руку

безъ затрудненія, безъ поправки. Усопшій какъ бы сжалъ оный въ рукѣ своей, и такъ крѣпко, что дальняя дорога въ Сергіевскую пустынь на дрогахъ, не могла измѣнить дашняго ему положенія. За спячь совершена была соборная паннххда.

Въ субботу, 25 Января, въ полдень, былъ выносъ тѣла Аврамія Сергѣевича изъ квартиры его въ Сергіевскую пустынь. Стеченіе народа всѣхъ сословіи было многочисленно. Самъ Вѣнценосецъ, Великій Государь, Императоръ Александръ Николаевичъ, удостоившій всеми-лостивѣйшимъ, отеческимъ вниманіемъ вѣрнаго своего слугу во время болѣзни его, удостоилъ быть съ царственными лицами и при выносѣ тѣла его.

Погребеніе Аврамія Сергѣевича совершено было на другой день, 26-го Января. Всѣ священнослужашіе, по общему, единодушному согласію, сняли съ себя послѣ литургіи траурныя ризы и облачились въ свѣтлыя. Труды христіанскаго паломника и его просвѣщенная

ревность о Православіи были далеко, далеко извѣстны; а кончина его представляла по истинѣ духовное торжество. Аврамій Сергѣевичъ, можно сказать, почилъ въ объятіяхъ досточтимой, любвеобильной Матери нашей, святой Православной Церкви; почилъ со крестомъ въ рукѣ, съ несомнѣнною вѣрою въ сердцаѣ, преклонивъ главу свою на камень Голгофскій.

*Протоіерей Николаевской церкви Министерства
Народнаго Просвѣщенія Оеофанъ Разумовскій.*

20 Января
1870 года.

Дозволено цензурою 20 января 1870 года.

Въ типографіи Эд. Праца, въ Офицерской ул. д. № 26.